

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕОКРАТИЯ

**Козловский В.В.
Санкт-Петербург**

Евразийство - это целый пласт отечественной культуры в пореволюционном зарубежье. За этим словом-символом скрывается большая группа деятелей русской эмиграции 20-30-х годов нашего столетия.

Начальный импульс евразийству дал выход книги Николая Сергеевича Трубецкого /1890-1938/ «Европа и человечество», изданная в Софии в 1920 г., а также летние встречи в Софии в 1921 г. единомышленников-собратьев по духу, объединенных стремлением осмыслить судьбу новой России. Трубецкой впоследствии стал одним из создателей структурной фонологии. Термин «евразийство» принадлежит Петру Николаевичу Савицкому /1895-1968/, экономисту, историку, географу, который, по словам Трубецкого, и являлся собственно евразийцем. В 1921 г. «Русско-болгарское издательство», руководимое Сувчинским, выпустило в Софии сборник четырех молодых авторов, в составе которого кроме двух названных участвовало еще двое: Георгий Васильевич Флоровский /1893-1971/, известный философ и богослов, и Петр Петрович Сувчинский /1892-1985/, литературовед и музыковед. Сборник вышел под характерным названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев». Через год в том же составе, с участием А.Карташева и П.М.Бицилли, публикуется в Берлине вторая книга «На путях. Утверждения евразийцев». Финансовая поддержка гвардейских офицеров позволила евразийцам издать в последующем три «Евразийских Временника» в Берлине в 1923 и 1925 годах, в Париже в 1927 г. «Утверждения евразийцев» завершаются выходом «Евразийского сборника» (Прага, 1929 г.) и сборника «Тридцатые годы» (Париж, 1931 г.). Помимо этого были выпущены сборник «Россия и Латинство» (Берлин, 1923

г.), анонимные работы «Евразийство: опыт систематического изложения» (Париж, 1926 г.); Евразийство: формулировка 1927 г. (Москва, 1927 г.); Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. (Прага, 1932); Евразийская хроника. 12 вып. 1925-1937 гг.; Евразия. Еженедельная газета. 35 номеров. Кламар (Париж, 1928-1929) ; Евразиец. 25 вып. (Брюссель, 1929-1934); Евразийские тетради. 6 вып. в 5 ном. (Б.М. 1934-1936). Это всего лишь краткий перечень общих и периодических изданий. Выходили также серьезные исследовательские и публицистические работы отдельных авторов.

В рядах евразийцев появилось немало новых лиц: историк Георгий Владимирович Вернадский /1887-1973/, сын академика В.И.Вернадского, правовед Николай Николаевич Алексеев /1879-1964/, философ и историк Лев Платонович Карсавин /1882-1952/, философ и богослов Владимир Николаевич Ильин /1891-1974/, литературовед кн. Дмитрий Петрович Святополк-Мирский /1890-1939/, Сергей Яковлевич Эфрон /1893-1941/, писатель Константин Александрович Чхеидзе /1897-1974/, В.Э.Сеземан, Я.Садовский, В.П.Никитин, Н.Клепинин и другие. Евразийские группы существовали в Праге, Париже, Берлине, Лондоне, в 30-х годах в Прибалтике. Евразийцы вели себя очень активно, издавали разного рода книги, брошюры, газету, устраивали семинары, читали лекции, налаживали связи с Советской Россией.

Во второй половине двадцатых годов евразийство было достаточно влиятельным в среде эмиграции, нашло оно отклик и в СССР. Восприятие евразийства было неоднозначным, по большей части - негативным. Многими эмигрантами не принималась позиция евразийцев, оправдывающая, хотя и с оговорками, большевизм и советскую власть. Либерально настроенные интеллигенты видели в евразийстве признаки фашизма.

Авторитету евразийства большой удар нанес Г.В.Флоровский, вышедший из движения в середине 20-х годов и оценивший политические устремления бывших единомышленников как «Евразийский соблазн» (название его статьи). Другим решающим фактором ослабления евразийского движения явился раскол на так называемые «правую» и «левую»

группы. Первая сложилась вокруг Савицкого в Праге, вторая - вокруг Святополк-Мирского, Эфрона, Арапова, Сувчинского в Клараме, возле Парижа. Именно «левые» евразийцы пытались оправдать идеологию и признать практику большевизма. К этому прибавилась полемика по поводу идей «общего дела» Н.Ф.Федорова.

В ситуации нынешних идейных поисков духовных и политических оснований общественно-государственного развития страны евразийство и различные толкования евразийской идеи у многих на слуху. Поэтому мы предлагаем читателям альманаха небольшую антологию классического евразийского наследия, что, на наш взгляд, может быть полезно в осмыслении современных попыток применить евразийство в идеологических и социально-политических целях.

V

ЕВРАЗИЙСКО-РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ МИР

В эпоху начавшейся вместе с императорским периодом острой европеизации России русское национальное сознание подверглось коренному извращению. Религиозно-культурная и национальная идея Москвы, как наследницы Византийского Царства и потому действительного средоточия христианского мира, как оплота христианства в борьбе с язычеством и с западно-еретической культурой, утратила именно религиозный свой смысл и религиозное, т.е. абсолютное, обоснование. На место ее выдвинулась европейская позитивно-политическая идея империи и империализма; культурная задача формулировалась обедненно и чисто эмпирически - как рост государственной территории и государственной мощи. Это случилось в то самое время, когда активная борьба с Востоком сменилась неудержимым и относительно мирным распространением России на Восток и когда в обороне своей от еще активного, но уже утратившего свой религиозный пафос Ислама Русская Империя оказалась неожиданным союзником вчерашнего врага - Европы. Прежняя разграничительная линия между русской и азиатско-языческой

культурами перестала ощущаться потому, что она просто исчезла: безболезненно и как-то незаметно границы русского государства почти совпали с границами монгольской империи, и не от кого стало с этой стороны защищаться. В связи с религиозным упадком Турции и под влиянием Европы, борьба с турками воспринималась уже по-новому - в категориях европейской политики и в системе этой политики. С другой стороны, победоносный поворот России к Европе и вызванное им затишье в наступлении Европы на Россию, как и процесс самой европеизации, затушевывали исконный антагонизм и способствовали помутнению национального самосознания. Утрачивалось сознание и западной границы. И так проблема русского национального самосознания ставилась во всей ее широте, во всем своеобразии ее, которое чуждо определяющему себя близкими и резкими границами любому из европейских народов. Не замечая своего легкого, органического расширения в Азии, не углубляясь в собственное свое существование, Россия в лице своего европеизовавшегося правящего слоя начала считать себя частью Европы. Русские люди - не тем, чем они были, а тем, что хотели стать аванпостом Европы и европейской культуры в борьбе с иными культурами, в том числе и со своею собственной. Они стали стыдиться своего, как варварского. Правда, факта русской мощи они отрицать не могли, как не могли подавить в себе и самое стихию национального самосознания; к тому же национальное самосознание значилось и в категориях европейской культуры. И вот в замену старой Московской идеологии создается по европейскому образцу новая, ложно-классическая и романтическая генеалогия русской культуры, чему способствуют остатки старого религиозного мирозерцания и факт Православной церкви. Оказывается, что основа русской культуры - культура великоросская - связана со славянством (от слова «слава»), в пользу чего, конечно, свидетельствует язык (хотя никто, например, не считает евреев арамейцами, немцами или испанцами), но что совершенно несправедливо по отношению к финской и туранской крови вообще. Неясность была настолько велика, что даже пробуждение русского национального самосознания увлекло частью на ложные пути и получило наименование «славянофильства». Только К.Леонтьев решился формулировать

выводы своего богатого и непредвзятого опыта и мужественно выступить против растворения русской культуры в отвлеченном и романтическом панславизме. Но на его слова также никто не обращал внимания, как и на - пускай часто поверхностные, но все же непредвзятые - впечатления иностранцев. А иностранцы не смешивают русской культуры ни с европейской, ни со славянством. Они воспринимают Москву, русский быт, русское искусство, русский психический уклад, как «Азию», хотя, конечно, и отличают эту «Азию» от Индии или Китая. Для иранцев же русские - преемники Турана.

Это предисловие нам кажется небесполезным для правильной постановки проблемы и для правильного ее разрешения. К ней надо подойти непредвзято и прежде всего освободиться от шаблонов и ложных традиций. В прошлом лучше всего ее чувствовали все-таки славянофилы; - и наша критика стремится лишь освободить здоровое зерно славянофильства от всего ему чужеродного и наносного. Славянофилы правы, поскольку связывают проблему культуры с религией и русскую культуру с судьбами Православия. Но как раз с этой точки зрения надо отнести к европейской культуре не только поляков, но и чехов и все славянское инославие. Далее, следует поставить вопрос: насколько Православие славян южных является существом и двигательной силой их культуры и насколько умирающим их прошлым. Наконец, во всяком случае, нет оснований говорить о славяно-русском мире, как о культурном целом, но самое большое - об островах родственной нам славянской культуры в мире культуры европейской. С религиозной идеей славянофилы сочетали - и притом несколько внешне - идею этнического родства. Это родство не так велико, как казалось им и их ложно-классическим предшественникам. По крови и этническому типу нам ближе болгары, чем сербы, и сами мы, т.е. господствующие наши народности, этнологически относимся к славянам с большой натяжкой. Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы (хотя в ряду наших биологических предков есть и те и другие), а - русские. Этнологически сопоставляя населяющие территории России народности, мы можем построить некоторый ряд, в середине которого окажутся великороссы и между двумя последовательными членами которого переход будет неуловим.

Мы должны констатировать особый этнический тип, на периферии сближающийся как с азиатским, так и европейским, в частности, конечно, более всего славянским, но отличающимся от них резче, чем отдельные, «соседние» в нашем ряду его представители. Этническое единство русской территории становится еще очевиднее, когда мы сосредоточиваемся на формах быта, на основных тенденциях народного искусства и особенно на типичном психическом укладе. Но оно усматривается даже в данных сравнительного языкознания, которое позволяет уловить некоторую общую потенцию в далеко отстоящих друг от друга по своему происхождению и структуре языках России.

Было бы очень плохо, если бы мы пытались противопоставить одностороннему отождествлению русской культуры со славянской или славяно-греческою, столь же одностороннее ее отождествление с туранскою. Тогда бы мы оставались в одной плоскости с нашими противниками, - внизу. Только в порядке критики и указания на их односторонность имеет смысл говорить о туранском элементе в русской культуре, вовсе не в порядке ее существенного истолкования. Также можно говорить и об элементе славянском, иранском, даже об элементе европейском, хотя практически о туранском говорить и нужнее. Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Она - совершенно особая, специфическая культура, обладающая не меньшею самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская и азиатские. Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии, как срединную, евразийскую культуру. Этот термин не отрицает за русским народом первенствующего значения в ней, но освобождает от ряда ложных ассоциаций, вскрывая вместе с тем зерно правды, заключенное в раннем славянофильстве и заглушённое его Дальнейшим развитием. Мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими. Сбросив татарское иго, мы Должны сбросить и европейское иго.

Культура не есть случайная совокупность разных элементов и не может быть такою совокупностью. Культура - органическое и специфическое единство, живой организм. Она всегда предполагает существование осуществляющего себя в ней субъекта,

особую симфоническую личность. И этот субъект культуры (культуро-личность), как всякая личность, рождается, развивается, умирает. Но рождается он в какой-нибудь среде - в среде другой культуры, других культур или обломков и элементов разных культур. Возникая, он осваивает, т.е. преобразует и делает собою, эти элементы; и это и есть его рождение и развитие. Новую культуру можно смешать со старыми и счесть простою комбинацией их элементов только в том случае, если мы, стремясь ее познать, смотрим не на ее субъекта, а на еще не освоенный им строительный материал - на окружающую его среду и на еще не переваренные им инородные тела. Когда мы говорим об «элементах» культуры, о ее «заимствованиях» и о «влияниях» на нее, мы делаемся жертвою поверхностных наблюдений, принимая за свойственное культуре то, что еще ею не освоено, или называя чужим то, что когда-то было чужим, но зато и совсем другим. С внешней точки зрения нет самостоятельных культур, ибо ни одна из известных нам не свалилась готовою с неба, но все родились в какой-то уже существовавшей среде других культур. Но по существу всякая культура в собственном смысле этого слова самобытна и рождается, как нечто абсолютно новое и специфическое, что мы и выражаем, когда говорим об «идее» или «духе» данной культуры.

Весь смысл и пафос наших утверждений сводится к тому, что мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта, как симфонической личности. Нам уже недостаточно того смутного культурного самосознания, которое было у славянофилов, хотя мы и чтим их, как наиболее близких нам по духу. Но мы решительно отвергаем существо западничества, т.е. отрицание самобытности и, в конце концов, самого существования нашей культуры. Нам стыдно за русских людей, которым приходится узнавать о существовании русской культуры от немца Шпенглера. Отметая лукавые попытки западнического духа, заразившего и славянофилов, растворить проблему евразийско-русской культуры в расплывчатом учении о племенном родстве, мы полемически подчеркиваем «туранские элементы» и, отрицая мнимо-научный механический подход к вопросу, выдвигаем единство и органичность, целостность культуры, ее личное качество. Культура

рождается и развивается как органическое целое. Она сразу (конвергентно) проявляется в формах политических и социально-хозяйственных, и в бытовом укладе, и в этническом типе, и - в географических особенностях ее территории.

Именно с географической целостностью и определенностью русско-евразийской культуры стоит в связи наименование ее евразийской, причем давно уже утвердившийся в науке и обозначающий Европу и Азию как один материк термин, получает более узкое и точное значение. Евразия в старом смысле слова подразделяется уже не на Европу и Азию, а на: 1) срединный континент или собственно Евразию и два периферических мира; 2) азиатский (Китай, Индия, Иран) и 3) европейский, граничащий с Евразией примерно по линии: реки Неман - Западный Буг - Сан - Устье Дуная. Эта последняя граница является и водоразделом двух колонизационных волн, идущих одна на Восток, а другая - на Запад и сталкивающихся на берегах Берингова моря. Таким образом в общем и целом, с отклонениями в обе стороны, границы Евразии совпадают с границами Русской Империи, «естественность» которых засвидетельствована в последнее время тем, что они уже более или менее восстановились несмотря на страшные потрясения войны и революции. Представляя собой особую часть света, особый континент, Евразия характеризуется как некоторое замкнутое и типичное целое и с точки зрения климата и с точки зрения других географических условий. Ограниченная с севера полосой тундр, на юге она окаймляется горными цепями и лишь в малой степени соприкасается с океаном и дающими к нему свободный выход морями. Этим и величиною ее определяются и ее экономические возможности. Для Евразии исключено активное участие в океаническом хозяйстве, характерном для Европы. Зато естественные богатства Евразии и их распределение открывают путь к экономическому самодовлению и превращают ее как бы в континент-океан. Единство этого океана-континента отличается весьма своеобразными чертами, которые соответствуют этническому типу евразийца и явственно сказались в истории Евразии. - Тогда как почти все ее реки текут в направлении меридианом, непрерывная полоса степей, не пересекаемая трудно преодолимыми естественными преградами, прорезает и объединяет ее с Запада

на Восток. Степная полоса - становой хребет ее истории. Объединителем Евразии не могло быть государство, возникшее и оставшееся на том или другом из речных ее бассейнов, хотя как раз водные пути и способствовали тому, что на них культура Евразии достигала своего высшего развития. Всякое речное государство всегда находилось под угрозой перерезавшей его степи. Напротив, тот, кто владел степью, легко становился политическим объединителем всей Евразии. И в связи со степью находится тот факт, что единство Евразии обладает несравнимо большею силою и потому большим стремлением и внешне себя выразить, чем единство других континентов. Конечно, степь, как таковая, больше оказывается в прошлом Евразии. Но, во-первых, прошлым определяется настоящее, а, во-вторых - здесь Империя оказалась на высоте русской исторической задачи: постройкою великого сибирского пути она транспортировала степную идею в условия современной политической и хозяйственной жизни. Природа Евразии нашла и выразила себя в совершенно новой обстановке.

Естественные условия равнинной Евразии, ее почва и особенно ее степная полоса, по которой распространилась русская народность, определяют хозяйственно-социальные процессы евразийской культуры и, в частности, характерные для нее колонизационные движения, в которых приобретает оформление исконная кочевническая стихия. Все это возвращает нас к основным чертам евразийского психического уклада - к сознанию органичности социально-политической жизни и связи ее с природою, к «материковому» размаху, к «русской широте», и к известной условности исторически усваивающихся форм, к «материковому» национальному самосознанию в безграничности, которое для европеизированного взгляда часто кажется отсутствием патриотизма, т.е. - патриотизма европейского. Евразийский традиционализм совсем особенный. Он является верностью своей основной стихии и тенденции и неразрушимую уверенностью в ее силе и окончательном торжестве. Он допускает самые рискованные опыты и бурные взрывы стихии, в которых за пустою трескотнёю революционной фразеологии ощутимы старые кочевнические инстинкты, и не связывает себя, как на Западе, не отождествляет себя с внешнею формою. Ему ценна лишь живая и абсолютно

значимая форма. А есть ли такие формы вне истинной религии? И не знает ли евразиец по опыту своего необозримого континента, что подлинно-ценное в своих формах многообразно и что за воякою живою формою скрывается нечто подлинное и важное? Он и ценит традицию, как родственный ему туранец, определенный и примитивный, и остро ощущает ее относительность, и ненавидит ее деспотические границы, как другой его близкий родственник - иранец. Он до наивности прост и элементарен, как Л.Толстой, и вместе с тем сложен, изощрен и диалектичен, как Достоевский, и еще - хотя и редко - гармоничен, как Пушкин или Хомяков.

Так Евразия предстает перед нами, как возглавляемый Россией особый культурный мир, внутренне и крепко единый в бесконечном и часто по видимости противоречивом многообразии своих проявлений. Евразия-Россия - развивающаяся своеобразная культурно-личность. Она, как и другие многонародные культурные единства, индивидуализирует человечество, являя его единство во взаимодействии с ними, и потому, осуществляя себя, осуществляет свою общечеловеческую, «историческую» миссию. Но она притязает еще и на то, и верит в то, что ей в нашу эпоху принадлежит руководящая и первенствующая роль в ряду человеческих культур. Она верит в это, вопреки видимостям, выражая свою веру в наивных и младенческих еще мечтах о себе, как о «третьем Риме» и в отвлеченной тарабарщине «третьего интернационала». Но обосновать свою веру она может только религиозно. Как индивидуализация общечеловеческой культуры, которая, как отвлеченно и общеобязательно совсем не существует, евразийская культура связана, конечно, с другими. Однако ей ближе и родственнее культуры азиатские. Она в Азии у себя дома. И для ее будущего необходимо восполнить и закончить дело, начатое Петром, т.е. вслед за тактически необходимым поворотом к Европе совершить тактический поворот к Азии.

VI *ЕДИНСТВО ЕВРАЗИИ*

Обвинения и самообвинения русских в негосударственности, т.е. в слабости их государственного единства, не только противоречат фактам - всей прежней истории России и устойчивости

ее государственности, не только упускают из виду совершенную несоизмеримость масштабов русского и европейского. Они основываются на смешении двух разных понятий: единства культурно-материкового и единства национально-государственного. Нельзя сопоставлять России-Евразии с Францией, Германией или вообще с каким-нибудь из европейских государств. Надо проводить аналогию между Россией и империей Карла Великого, Священной Римской Империей, Империей Наполеона; и в этом случае сразу же обнаруживается большая крепость, органичность и реальность единства Евразии. Нечто подобное представляет собою колониальная империя Англии, но эта империя объемлет лишь часть англо-саксонского мира. Еще менее, чем Европа, объединена Азия, разделяемая тремя центрами тяготения: китайским и буддистски-конфуцианским, индийским и буддистски-брахманистским и иранским или исламо-маздеистским.

Европа являет сравнительно сильное и длительное культурное единство только как Европа католически-романская. Но романскому универсализму искони противостоит германски-протестантская стихия, которой романтизм освоить и растворить в себе до конца все-таки не мог, хотя и мог искалечить и ограничить ее развитие. Вслед за отпадением Запада в ересь и раскол и в глубочайшей связи с этим он перешел в стадию разложения первичного и потенциального единства своей культуры, что, разумеется, не мешало ей раскалываться, хотя и ущербленно, свою природу. Постепенно отрываясь от абсолютного, религиозного основания своей культуры, т.е. омирщаясь или секуляризуясь, Запад все более понимал свое единство, как «светски» или безрелигиозно культурное. От попытки объединения в полурелигиозной монархии Карла Великого он перешел к расколу на мирскую католическую Церковь и мнимо-религиозную Священную Римскую Империю Германского Народа, которая незаметно закончила свою жизнь в гибели Австрии. Последняя судорожно-феерическая вспышка - Империя Наполеона - привела к комедии Священного Союза и фарсу Лиги Наций. И весьма знаменательно, что единство европейского мира мыслится им позитивистически-рационалистически - как отвлеченное и включающее в себя полноты национального своеобразия (почему

бы не отделить австрийских немцев от имперских, а полякам не подсыпать тех же немцев и русских?) и не исключают народы иных культур (почему бы не оставить в Лиге Наций места для Турции и не включить в нее Японию?). Отвлеченный универсализм одинаково характерен на Западе и для религиозной концепции католичества и для позитивистической концепции социалистического интернационала. Для обеих национальное бытие и национальная культура кажутся лишь помехами, чем-то низшим и, в лучшем случае, терпимым. Но это и значит, что единство западной культуры в конкретных формах не осуществимо и что на Западе есть Франция, Германия, Италия, а Европа потерялась.

Исторически первые обнаружения евразийского культурного единства приходится искать не в Киевской Руси, которая была лишь колыбелью будущего руководящего народа Евразии и местом, где родилось Русское Православие, не в Хазарском Царстве, конечно, и даже не в Руси Северо-восточной. Впервые евразийский культурный мир предстал, как целое в империи Чингисхана, правда, быстро разлившейся за географические пределы Евразии. Монголы формулировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя. Они ориентировали к этой задаче евразийские национальные государства, прежде всего и более всего - Московский улус. Это Московское государство, органически выросшее из Северо-восточной Руси и еще до окончательного своего оформления решившее в лице Александра Невского ценою татарского ига предпочесть верность своему исконному Православию окатоличению, теперь заступило место монголов и приняло на себя их культурно-политическое наследие. Вырастая в национально-московское государство, собирая русские земли и становясь общерусским, Москва явилась новой объединительницей евразийского мира. Она направила его силы к его истинному центру, к которому он бессознательно тянулся и который нашел в ней ясное идеологическое выражение и несомненное, т.е. религиозное оправдание. Евразия стояла перед своим самораскрытием и перед своею историческою миссией.

Однако развитие пошло медленнее и болезненнее, чем можно было ожидать. Формально империя продолжила дело

Москвы в некоторых существенных направлениях. Империя почти закончила государственное объединение евразийского материка, отстояв его от посягательств Европы, создала сильные политические традиции. Но самое существо русско-евразийской идеи осталось неосознанным и даже искаженным, правда, - лишь в призванном его осуществлять правящем слое.

Правящий слой (правительство и интеллигенция) дорого расплатился за свою науку у Европы, необходимую для самого существования России, ибо Европа технически ее опередила и ей угрожала. Этот слой настолько европеизовался, что почти потерял свою русскую душу, не приобретя, впрочем, и европейской. Он сохранял русские свойства и даже часто специфически русские дарования, но без организующей их русской идеи. Русское Православие, как принцип евразийско-русской культуры, сменилось общечеловеческою религиею, или европейским религиозным индифферентизмом, или европейским же рационалистическим сектантством, религиею человечества и социализма. При таких условиях правящий слой был не в силах даже для самого себя оправдать евразийско-русскую идею. Но он не мог ее и, как следует, понять. Россия-Евразия представлялась ему, как культурно отставшая часть Европы, и, болезненно стыдясь и вечно сомневаясь, он всячески старался доказать себе и европейцам свою «культурность» и предлагал Европе свои вредные или ненужные для России услуги. Естественно, что между ним и народными массами сначала установилось взаимное непонимание, а потом разверзлась непреодолимая пропасть. Он оторвался от взрастившего его народа, встал к нему во враждебные, хотя у интеллигенции долго считавшиеся народолюбством отношения и, не питаемый здоровыми народными соками, стал засыхать или разлагаться. Однако и здесь поразительною оказалась сила политического единства. Оно держалось вопреки полной негодности правящих. Его не уничтожили ни война, ни преступные эксперименты, произведенные наследниками великого Петра: сначала безвольными интеллигентами-непротивленцами, потом волевыми интеллигентами-фанатиками и - ультра-европейцами. Из невероятных потрясений Россия-Евразия выходит не потрясенною и обессиленною, не усталою, а обновленною и полною рвущихся наружу сил. Это что-нибудь да значит.